

Мария ГУДЫМА

БОЛЬШИЕ ДЕТИ

Юлия и Геннадий — брат и сестра, но впервые попавшие в театр зрители, усмотрев в программке одну и ту же фамилию, принимают их за супругов. Уж очень они разные, непохожие. Он — сдержанный, суховатый, она — яркая, взбалмошная. При этом оба — актеры, оба — любимцы публики. То и дело им приходится играть в одних и тех же спектаклях, а бывало и так, что брат осущестлял постановку, приглашая на роль сестру. Они не устают подшучивать друг над дружкой, но при этом, как и полагается родным людям, очень ценят все, что делает и умеет каждый из них. Конечно, когда у трехлетнего Геня появилась младшая сестричка, он поначалу безумно ревновал и не понимал важности момента, но сейчас это, безусловно, самый дорогой для него человек. Мужья, жены и дети — дело, в общем-то, наживное, а вот братские узы от личных усилий человека не зависят, ими особенно надо дорожить. О них сложно рассказывать. Начнешь говорить об одном и тут же сбиваешься на другую. Уж очень тесно переплелись их судьбы, человеческие и театральные. Многие думают, что актеры, вышедшие из театральной семьи, работают в каких-то особых условиях, а на самом деле о них судят строже, воспринимая сквозь призму талантов их родителей. И что-то доказать на сцене Геню и Юле психологически бывает сложнее, чем многим их коллегам...

Четыре года назад Геннадий Скарге было присвоено звание заслуженного артиста Украины. На тот момент он был одним из тех, кто, простите за каламбур, давно заслужил это звание. Взять хотя бы его послужной список. На первый взгляд, он пестрит именами персонажей иностранного происхождения. Шотландец Малькольм ("Макбет"), немец Аренгейм ("Антихрист"), грек Герострат ("Забыть Герострата"), англичанин принц Уэльский ("Кин IV"), испанец Маурисью ("Дерева умирают стоя"), поляк Кароль ("Мужчина"), американцы Брик ("Кошка на раскаленной крыше") и Ричард ("Любовник")... А больше всего французов: Эраст ("Единственный наследник"), Жак Гастон ("Странный этот мсье Жак"), Юбер Дарсэ ("Загнанная лошадь"), Франк ("Убийство — дело семейное"), Камилл Севинье ("Следствие на стороне дуры"), месье Жиру ("Школа налогоплательщиков").

Юлю режиссеры охотнее всего видят в ролях колоритных итальянок и француженок (уже названные "Школа налогоплательщиков" и "Странный этот мсье Жак", "Дом сумасшедших", "Классное дельце", "Школа жен"). Небольшая роль графини Трусаль дю Труссо в как-то уж очень стремительно сошедшей со сцены постановке продюсерского центра Александра Жегалова "Лекции о нравственности" по Фредерике Дара позволила раскрыть весь диапазон возможностей актрисы. Вот она — рафинированная аристократка, ослепительно красивая дама с изысканными манерами, истинная салонная героиня. А вот вскрывается правда о ее прошлом, и лжеграфиня, подболевшись, осыпает бранью своих собеседников. Юлия бесподобна в ролях вульгарных особ. Совершенно неотразима. Яркая внешность, чуть хриплый голос, шаловливые повадки на сцене буквально "рвут" зал. А в жизни она несколько стесняется своего сценического имиджа. Мо-

Геннадий Скарга в роли Флориана ("Пляска Чингиз-Хаима")

жет, напрасно? Кислая, скучная добродетель на самом деле никому не интересна, вот порок всегда привлекателен. Нет ничего великолепнее вульгарной женщины с ее бьющим в точку простонародным юмором. Одесситка Двойра из "Заката" по Бабелю долго была коронной ролью Юлии Скарги.

Но вернемся к ее брату... Удивительно, но в пьесах отечественных авторов Геннадий тоже поручались чаще всего образы иностранцев. Однако есть и "свои" — Беня в "Закате", Саша в "Детях Арбата", кооператор Рома в "Золотых временах", офицер Советской Армии в спектакле "Приказано умирать немедленно". Вспоминается еще фантазмагорическая Тень в быстро сошедшей со сцены трагикомедии по Шварцу "В нашем милом королевстве". Бог велел артисту играть роли русских интеллигентов, а репертуар почему-то не велит. Вот и в "Чайке", поставленной в ушедшем сезоне Алексеем Литвиным, роль Тригорина досталась не ему. Более того, его кандидатура на эту роль даже не рассматривалась. Досадно!

Проблема в том, что Геннадий относится к числу личностей, диктующих условия общения с ними. В хорошем, разумеется, смысле. Невозможно представить себе, чтобы он повысил голос на собеседника (хотя на сцене, бывает, срывается на крик, что не всегда на пользу роли, но объясняется недюжинным сценическим темпераментом). Да и собеседник, в свою очередь, должен говорить вполголоса, а резкие жесты и вульгаризмы поберечь для другой аудитории. Перенеся свою манеру общения на сцену, артист мог бы убедительно играть персонажей из высшего света, на худой конец — из научных кругов.

ту"), и у зрителя пойдет процесс сопереживания. Или неприятия. Не без того. Потому что убедительно страдать на сцене наш герой умеет, критики любят писать о его "бездонных" глазах, в которых — "вселенская боль и вселенская тоска".

Не всем зрителям это по нраву. Возможно, какая-то часть публики потому и недолюбливает Геннадия, что уж очень редко его герои самодостаточны, удачливы, улыбкивы... Время нынче такое, что персонаж с растерзанной душой раздражает — у каждого сидящего в зале своя драма. По сравнению с этими невидимыми миру слезами коллизии иных пьес попросту смешны.

Раздражать может и кажущаяся легкость жизненного и творческого пути самого Скарги. Как же, родился в известной театральной семье (блестящие артисты Борис Ильич Зайденберг и Альбина Васильевна Скарга, увы, уже ушли из жизни), выдержал конкурс в 250 человек на место при поступлении в Школу-студию МХАТ, ролями до недавнего времени обделен не был... О том, что за всем этим стоит колоссальный труд, предпочитают забывать. На самом деле, дабы не быть обвиненным в том, что утверждает в театре под крылышком отца, Геннадий по окончании вуза несколько лет проработал во Владимирской драме, приобрел имя и опыт, и только тогда приехал работать в родную Одессу. Юлия, окончив ГИТИС, довольно скоро оказалась в Одессе. Папа видел в ней героиню, переживал, когда ей неизбежно доставались характерные роли, даже подготовил с Юлей роль Марии Стюарт в спектакле по пьесе Петрушевской "Ваша сестра и пленница" (театралы тут же окрестили постановку "Ваша сестра и племянница"), но... Роли героиню сковывали молодую актрису, в них она выглядела бледной, неинтересной. Темперамент куда-то пропал, а с ним — и обаяние. А вот Геннадий, наоборот, на сцене стоит помнить о том, "как важно быть серьезным...". До сих пор, выходя на сцену, он старается играть так, словно в зале сидит отец, самый лучший учитель и самый строгий критик.

У создаваемых артистом героев есть нечто общее — все они "держат в уме" некий идеал, но им, все знающим, битым смолоду жизнью и лишены иллюзий, очень трудно следовать этому идеалу, сохранять, а главное — обнаруживать красоту

шел через ряд эпох, начиная от античности, чтобы оказаться в современной Москве, разбить еще несколько женских сердец и пережить крах всех своих жизненных идеалов. Многие сошлось в этом театральном пасьянсе для Скарги, и прежде всего, удачу определила встреча с режиссером-единомышленником, личностью сходных духовных поисков. Что греха таить, до сих пор частенько приходилось на премьерных спектаклях играть так, как то угодно приглашенному режиссеру, а уж после отъезда последнего начинать "вязать кружева", по меткому выражению Фаины Раневской. Одну из подружек Дон Жуана сыграла Юлия. Это был ударный эпизод. Она величественно являлась к любовнику в невообразимом наряде с боа (о Верке Сердючке тогда и не слышали!), обольщала его при помощи корзиночки с продуктами и обнаженных ножек. И как же сочувствовал ей зал, когда она удалялась в слезах, обманутая в своих ожиданиях, проигнорированная терпящим былую ловкость соблазнаителем женщиной!

Но Миша Горевый уехал, и в театре все пошло по-старому. Пожалуй, стремление наиболее полноценно выполнять свой артистический долг и подвигло Геню на режиссерские опыты.

Постановки Геннадия на родной сцене имели как критиков, так и сторонников, но это были ценные как для него самого, так и для театра эксперименты, и наибольшая его удача на поприще режиссуры — спектакль по пьесе Гарольда Пинтера "Любовник" — обнаружила проблему. Оказывается, блестяще исполняя главную роль, Скарга все же не добивается от своих партнеров должного видения их задач. И это сказывается на художественном результате, на целостности спектакля. Мастерство режиссера имеет свои секреты, и главный из них заключается в том, каким образом повести за собой исполнителей... Правда, Юлия, сыгравшая роль жены героя, "прекрасной шлюхи" (тема сексуальных игр в жизни добропорядочного семейства оказалась для нашего общества новой и шокирующей), была на высоте. Она перевоплощалась во всех женщин, каких только желал видеть в ней супруг, от уличной искательницы приключений до чопорной обительницы гостиных Мэри. Юлия в последние годы хороша без преувеличений в любой постановке. Претензии могут возникнуть к режиссеру, но не к ней. Шарлотта в "Вишневом саде", Бетси в "Анне Карениной", Маша в "Чайке" неизменно срывают аплодисменты зрительного зала. Анна в "Последней остановке" по Ремарку (хотя от Ремарка в спектакле сохранились разве что ремарки) тоже трогают зрительское сердце, а бенефисную роль Тамары в "Конкурсе" по Галину ("Я сюда с аккордеоном пришла...") актриса наверняка будет играть еще очень долго, несмотря на то, что спектакль уже шесть лет не сходит со сцены!

В последнее время Юлия более востребована в театре, нежели ее брат. Время, что ли, такое, руководство театра в чем-то недальновидно... После лирической роли в "Листе ожидания" по пьесе одесского драматурга Александра Мардана Геннадий Скарга долго не получал новых ролей. Вплоть до нынешнего сезона, когда Олег Школьник ввел его на роль загадочного злодея Флориана в своем спектакле "Пляска Чингиз-Хаима". И хотя актеру хватает занятости на телевидении, где он озвучивает рекламные ролики (еще бы, мхатовский выговор!), режиссирует передачи, основное место его должно быть на сцене. Он вполне заслужил право на создание моноспектакля, во время которого ему на сцене никто своим присутствием не помешает. Это могло бы раскрыть новые, до сих пор не познанные грани его таланта постановщика и исполнителя. А еще не приходится сомневаться, что любая его роль в чеховской постановке стала бы событием. Главное, чтобы это был тот самый русский интеллигент, которого так долго репертуар играть не велит...

Фото Олега Владимировского.

Юлия Скарга в роли Анны ("Последняя остановка")

У артистов странная судьба. В ней слишком многое зависит от среды, репертуарной политики театра, постоянно изменяющихся величин под названием "возраст" и "внешность". Однако еще Немирович-Данченко подметил, что репутация актера складывается по количеству не сыгранных, а созданных им ролей. В случае Геннадия Скарги можно ставить знак равенства между тем, что исполнено, и тем, что оказалось интересным публике. Скарга может спрятаться на премьерном спектакле за внешнюю характерность, налегать на голосовые связки и пережимать, но уже на втором-третьем непременно пробьется здоровое мхатовское "зерно", характер, отыщется нотка ("тянешься всю жизнь, как травинка к све-

своей личности. После роли Бени Крика в бабелевском "Закате" пришлось услышать, что герой Скарги, независимо от драматургической основы, всегда жесткий, нервный, рациональный, ироничный... А потом спохватились: разве не рационален, не рассудочен Эраст в "Единственном наследнике" Реньяра, несмотря на свой расшитый камзол и пудренный парик? Мхатовская школа предполагает наивную для некоторых теоретиков нашего времени веру в характер, мало меняющийся с течением столетий. И Геннадий эту веру вполне разделяет.

Получив этапную роль Дон Жуана в пьесе Эдварда Радзинского "Последний Дон Жуан" (постановка Михаила Горевского), артист оказался в своей стихии. Его герой про-